

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ШЕФ-ПОВАР НАЗАД В СССР

ТОМ 3

Юрий Пионеров

Повар. Назад в СССР 85 год Том 3

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Повар. Назад в СССР 85 год Том 3 / Ю. Пионеров — «Автор»,
«Автор», 2026

Две звезды Мишлен, собственный ресторан, роскошная жизнь И всё это осталось под колёсами грузовика. Зато мне снова двадцать два! На дворе 1985-й: СССР, авоськи, дефицит, гранёные стаканы с компотом и заведующая, у которой на любую затею одно слово: «Не положено!» Ага, сейчас. Я двадцать лет командовал лучшими кухнями Европы и умел зарабатывать. Неужели не справлюсь с советской столовой? Из костей сварю деликатес, из очереди сделаю очередь за добавкой, а из поварёнка — человека, которого знает весь город. Впереди перестройка, кооперативы и лихие девяностые. На этот раз я знаю, когда ловить удачу за хвост. И пустые карманы в мои планы не входят!

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Повар. Назад в СССР 85 год Том 3

Глава 1

Вернулся в половине двенадцатого. Тележка дребезжала на пороге; Зоя распахнула кухонную дверь и придержала её плечом. Из зала доносился гул. Люди пришли заранее, уже заняли очередь вдоль стены и спрашивали, будет ли сегодня обед.

— Марк, всё привёз? Тамара у приёмного стола, заведующая тоже. Каша готова, Лодкин её у печи держит. Только полчаса у нас осталось, не ходи теперь по кабинетам с каждой бумажкой. Здесь сразу покажи.

— Здесь и покажу. Тележку оставим у двери, она с улицы. Два мешка на осмотр, ведро на подставку. Поможешь?

Она взяла один мешок, я другой. Ведро снял за ручку, поставил на чистую подставку у приёмного стола. Куртку и сумку оставил в комнате отдыха, надел халат, вымыл руки. На стол легли лист с подписью Сцилкиной и мой расход сырья. До раздачи тут было четыре двери и три человека, способных сказать «нет». Теперь надо было пройти их, не расплескав обед.

Тамара читала вес. Шепелева стояла сбоку, с ключами в кулаке; ни один из них мне не протянула. Приподнял крышку. Зоя наклонилась к ведру, втянула носом чесночный пар и посмотрела на меня.

— Что это?

— Обед. К нашей каше. На рынке приготовил, продукты осмотрел, расход здесь. Нина за работу овощами рассчиталась, масло и приправы я оплатил. Столовой передаю бесплатно. Не надо цену, которой не было, в акт вписывать.

— Бесплатно? — Шепелева вытянула губы. — Утром вы разрешение на закупку просили. Сейчас чужое ведро принесли. Откуда я знаю, что вы туда положили?

— Поэтому на стол и ставлю. В листе состав, продавец, место. Ведро чистое, закрыто сразу после готовки; через десять минут здесь. Попробовать можете, но проба вместо осмотра не пойдёт. Сами смотрите, пока время есть.

Лодкин пришёл с двумя чистыми ложками и маленьким блюдцем. Осмотрели соус, запах, консистенцию; я показал подпись хозяйки и запись о готовке. Перцы высыпали по очереди в таз для сырья. Плотные, с потёртыми боками; два плода с глубокими повреждениями отложили в отходы целиком. Остальные пошли на мойку.

— Рынок разрешил готовить у прилавка, — пояснил я. — Начальник лично смотрел место. Для столовой проверяем здесь, по своему порядку.

Шепелева взяла ложку, пробу перенесла на блюдце. Долго разглядывала, затем попробовала. Челюсть едва заметно шевельнулась. За дверью спросили в третий раз, откроется ли раздача.

— Крупа уже в расходе, — сказала Тамара. — С овощами сделаем отдельный акт от Лагутина, без оплаты. Раиса Петровна, приёмку и использование сегодня подпишите. И расчёт блюда. По утреннему запрету старое мясо не трогали, это новое поступление.

Заведующая подержала ручку над листом.

— Потом не говорите, что я вас уговаривала.

— Не скажу. Сейчас скажу: спасибо, что не задерживаете.

Она расписалась. Время, вес, состав и разрешение на сегодняшний расход Тамара внесла при нас. Пять четыреста соуса — на триста тарелок по восемнадцать граммов. Перец отдельно: шесть килограммов до обработки, после мойки, удаления семян и брака — пять сто. В блюдо пойдёт весь разрешённый выход. Зоя записала его возле котлов, а Тамара пересчитала разовый

расход. Касса получала обычную плату за согласованное блюдо; подарок от меня стал добавлением к нему, а не поводом раздавать чужую крупу без денег.

У печи хватило места двум широким сковородам. Лодкин подложил полено, сдвинул котёл с кашей на тёплый край, поставил на свободный чугун сковороды. Выданное для котлов масло частью ещё оставалось в его чистой чашке; он отмерил его для перца, расход добавили к расчёту. Старые холодные остатки стояли под запретом в холодильнике. Ни свинину, ни рыбу, ни молочную партию к новым овощам мы не подмешивали.

Зоя взяла свою доску и нож, Витька — таз с вымытым перцем; Лодкин выдал ему другую доску и кухонный нож. Я достал восьмёрку из сумки, вынул из чехла. Три человека резали полоски; Лодкин успевал переворачивать первую закладку, пока мы готовили вторую. Перец зашипел, по краю проступил блеск. Нужно было дать ему размягчиться, а не жарить шесть килограммов в одной горке. Через несколько минут первые полоски легли в тёплую ёмкость; на сковородах оказалась следующая партия.

— Всю эту красоту каждому по ниточке? — спросил Витька.

— По ложке, — ответила Зоя, даже не подняв головы. — Отмерять будешь ты, красоту раскладывать я. Марк, перец к соусу или отдельно?

— Отдельно. Соус густой, его на каше видно будет. Сначала ложка баклажанов, рядом перец. Не надо всё в бурый котёл превращать.

— И не будет бурого котла, — отозвался Лодкин. — Давайте сюда следующие. Пока вы разговариваете, у меня сковорода свободная.

Поставил соус прогреваться небольшими порциями на освободившееся место. Воды не доливал. Жареный баклажан сохранил плотность, чеснок раскрылся от тепла; перец давал сладкий сок. Подцепил чистой ложкой немного каши, добавил соус и полоску перца, подал Зое на блюде.

Она попробовала. Прижала губы, чтоб не обжечься, потом отломала ложкой ещё крупинки.

— Вот так и выдавай. Только на первых двадцати не расщедрись, у нас последние тоже обедать хотят.

— Мерка готова. Всем хватит.

Для осмотра и Зоинрой пробы отложили немного соуса из моих восемнадцати граммов; на мой обед осталось меньше, зато у каждого покупателя будет полная ложка. Перед раздачей взвесили готовый перец: четыре восемьсот с маслом и соком, по шестнадцать граммов к каше. Зоя обновила расчёт. На первых тарелках проверили мерку, дальше расход не придётся угадывать.

За пять минут до двенадцати Лодкин передал первый горячий противень с кашей. Зоя приготовила чистые тарелки, Витька встал возле перца. Тамара открыла кассу. Я вынес противень к окну.

В очереди перестали разговаривать. Заводчанин впереди вытянул шею, поглядел на перец и ткнул соседа локтем.

— Каша с баклажанным соусом, — объявил я. — Горячая. Подходите, в двенадцать начинаем. Кто утром решил, что обеда не будет, может пока передумать.

— А мясо где? — спросили сзади.

— Сегодня овощное блюдо. Мясо ищем. Сначала это попробуйте, потом ругайте.

Зоя открыла окно. Первым подошёл молодой человек в тёмном пальто, с блокнотом под мышкой. Узкий подбородок, мелкие быстрые зубы; он улыбался так, словно уже нашёл ошибку, но пока никому о ней не говорил.

— Это что за самовольная торговля? С кем согласовали?

Ложка осталась у меня над тарелкой.

— Вы обедать или проверять? Если проверять, представьтесь Тамаре. Я приёмку только что закончил, документы у неё. Если обедать — сначала в кассу, пожалуйста.

— Демешко, Аркадий Аркадьевич. Вчера отец был у вас. Сегодня меня с техником прислали остатки сверить.

Он достал направление, показал Тамаре. За его спиной ждала женщина с портфелем; она назвала свою должность в комбинате, подошла к бухгалтеру, а молодой Демешко повернулся опять к окну. Взрослый сын вчерашнего проверяющего получил самостоятельное поручение, но отцовское имя предъявил первым. Тамара прочла бумагу, сверила подписи и забрала её к столу. Ключи от холодильника Шепелева уже несла к технику; к ложке у моего окна это поручение отношения не имело.

— Остатки осмотрим, — сказал Аркадий. — Но вы же сами признали: по сегодняшним накладным ноль. Сейчас чем торгуете?

— По той доставке, которую утром не привезли, ноль. Крупа была, в расходе стоит. Овощи с рынка, акт принятия у бухгалтера. Получили мы их бесплатно от меня; обед оплачивается в кассе, как положено. Книгу отзывов после еды дам, если до неё дело дойдёт.

Он прищурился.

— Дарение населению, значит?

— Передача столовой. Населению — каша с соусом. И чек. Это разные вещи, товарищ Демешко. Вам положить?

Аркадий отдал Тамаре рубль. Она пробила чек, вернула сдачу; деньги он убрал в карман, тарелку подставил. На кашу легла ложка баклажанов, рядом Витька положил перец. Аркадий сунул блокнот под мышку, взял ложку и попробовал прямо возле окна.

За ним уже теснились люди. Пришлось подавать следующую тарелку мимо его локтя.

— Откуда продукты? — повторил он, дожёвывая. — Вы сами всё это достали?

— С рынка. Там овощи продают. У Сцилкиной ещё и готовить можно, если договориться. Хотите пересчитать — пересчитывайте, только дайте обед выдать. Люди ждут.

Он подцепил кашу, провёл ложкой по краю тарелки, собрал соус. Вопросов на лице стало меньше, еды во рту больше. Ждал, что отойдёт сам. Не отошёл.

— Блокнот берегите, соусом капну. Вам чуть в сторону бы. За вами тарелки идут.

Аркадий отступил от окна, прижал блокнот локтем. С ложки свисала полоска перца; он поймал её губами, оглянулся на меня и отвернулся к залу. Зубастый молодой проверяющий стоял с обедом, который сначала хотел запретить. Следующий заводчанин подставил тарелку и заговорщицки кивнул в его сторону.

— Понравилось начальству. Значит, нам точно хватит?

— Начальство получило одну порцию, вам столько же.

— А добавку?

— После трёхсотой посмотрим на котёл. Соус на триста, лишней ложки из воздуха не вычерпну.

Он засмеялся, понёс тарелку к столу. Аркадий доел, вытер рот салфеткой, заглянул в пустую тарелку. Мне очень хотелось спросить, всё ещё ли у нас ноль. Вместо этого забрал опустевший противень и пропустил Зину: она несла с мойки стопку чистых тарелок.

— Идут тарелочки, Марк. Только успевай мыть!

— Значит, едят.

— А ты хотел, чтоб любовались? Вон уже за вторым обедом посылают. Я сказала: товарищ, второй тоже через кассу. За любовь к повару деньги с предприятия не списывают.

Лодкин подставил следующий противень. Принял его, вернулся к окну. В зале стучали ложки, люди жевали, спорили, кто догадался первым: в соусе баклажан или гриб. Одну тарелку разделили на двоих — попробовать; потом второй человек вернулся с собственным чеком. Соус хотелось не только съесть, но и угадать.

Все триста порций ушли за обед. Проверяющий получил одну из них, работники кухни свои положенные обеды забрали из того же количества; число не росло от того, что в зале появлялся ещё кто-нибудь важный. Тем, кто пришёл позже, Тамара до оплаты объясняла: сегодняшнее блюдо закончилось. Кто-то ворчал, кто-то записал, когда приходить завтра. Витька перевернул пустую ёмкость с перцем и показал мне дно.

— Даже хвостика нет.

— Хвостики в отходах. А ты иди ешь, заслужил.

Техник с Тамарой и заведующей тем временем сверяли холодильник и ведомость. Аркадий вернулся к ним, убрав блокнот в карман. Кухонного запрета на старые остатки ещё не сняли: вопросы по мясу и молочной партии надо было закончить отдельно. По новому обеду запись сделали при нас. Мне хватало того, что триста человек поели, не ожидая их последнего листа.

После раздачи соус переложить уже было некуда — ведро опустело. Вымыли его, ополоснули, обсушили. Нож тоже вымыл, обсушил, убрал в чехол и сумку. Снял халат, надел куртку, взял сумку; чистое ведро повёз на той же тележке к Нине. Витька побежал со мной до ворот, придержал пустую крышку верёвкой.

— Только насовсем на рынок не уходи, — сказал он. — Здесь тоже вкусно можно. Сегодня получилось.

— Сегодня получилось у нас. Без вашей каши моё ведро было бы ведром.

На рынке Нина уже собирала прилавок. Тележку вернул хозяйке, ведро с крышкой — Сцилкиной. Она провела ладонью по сухому боку, повернула ко мне.

— Накормил?

— Триста. И за вторым приходили. Спасибо вам за казан.

— Казан у меня хороший. Ещё мужа слушался. А ты рецепт не забыл? На лук я в следующий раз сама посмотрю, но вот когда чеснок класть...

Повторил порядок, попросил её сказать обратно. Не стала стесняться: задала три вопроса, один я объяснил на пальцах, пока соседка сматывала полог. Нина сунула листок в книжку продавца.

— Теперь и сама сделаю. Только ты всё равно приходи, если отпустят. У тебя покупатели смеются. У меня раньше только торговались.

До вечернего закрытия рынка было далеко; взятое в займы вернул в понедельник, как обещал. Назад шёл с одной сумкой. Завтрашняя работа ждала у Погосяна. По пути заглянул в столовую: Лодкин был у печи, Зоя собирала ужин по оставшемуся разрешённому запасу. Сказал о приглашении, согласовали с заведующей мой завтрашний выход позже: утреннюю подготовку и обед ведёт Лодкин, на вечер возвращаюсь я. Тамара записала перестановку, Зоя попросила сразу сообщить, если задержусь.

— И мясо, если дадут, сперва к приёмке, — добавила она. — Ты сегодня уже показал, что умеешь через дверь, а не через форточку.

— Через дверь. Завтра посмотрю, чего за неё нести.

Дома вымыл нож, проверил сухой чехол, уложил с мусатом в сумку. Двадцать семь рублей оставались во внутреннем кармане куртки, восемь восемьдесят — дома. На утро приготовил тёплый свитер и рукавицы. Поел, лёг. Сны не запомнил; будильник в темноте пришлось искать рукой под подушкой. Хотелось ещё час тепла. Вместо этого встал: за мясом вчера позвали меня, не будильник.

Во вторник у ворот базы было минус двадцать три. Столбик уличного термометра за мутным стеклом опустился ниже последней крупной отметки. Ветер пробирался между ангарями; пока искал глазами разделочный цех, кончик носа успел онеметь. В рукавицах пальцам было лучше. Деньги лежали в застёгнутом внутреннем кармане, нож — в сумке. Двадцать семь

рублей хватило бы на покупку, но кормить столовую пришлось бы и в среду, и в четверг. Мне нужен был уговор на следующие недели, а не один кусок, который вечером съедят.

За воротами пахло соляжкой, из машинного отделения тянуло аммиаком. Три длинных железных ангара стояли в инее, между ними нашёлся разделочный цех. Верх окон закрывала фанера, в нижних стёклах горели тусклые лампочки. Дверь шаталась на петлях; изнутри доносился стук. На мокром бетоне у порога темнели следы обуви. За дверью висели три опалённые, очищенные свиные туши. На крюках белел иней, на мясе оставались грубые плёнки и зарубки после заводской зачистки.

Двое работников в валенках и телогрейках готовили столы. Один курил у самого выхода, второй соскребал лёд с отодвинутого к двери железного поддона. Рабочие доски лежали дальше, сухие, под светом. Я задержался у туш: по таким срезам уже было видно, сколько мяса можно потерять, если рубить поперёк всего подряд.

— Чего уставился? — курящий вынул сигарету изо рта. — Иди отсюда, столовский. Здесь тебе не рынок, баклажаны торговать. Тут мясо режут. По-настоящему.

— Марк Лагутин. Мне нужен Рафик. Вчера позвал, сказал, с утра есть работа.

Старший оглядел сумку.

— С утра у него всегда есть работа. Вот рабочих побольше бы. Ты с чем, с кастрюлей?

— С ножом. Кастрюля дома, не стал вас пугать.

Рыжий возле поддона прыснул. Старший показал ему сигаретой на лёд; тот продолжил скрести, но слушал. Из-за колонны вышел Погосян. Невысокий, сухощавый, в сером свитере с растянутыми локтями. Очки с толстыми стёклами съехали к кончику носа; в руке была кофейная турка. Среди железа и сырого мяса от неё тянуло таким домашним теплом, что я едва не попросил налить прежде, чем представиться.

— Поварёнок. Пришёл, значит. Нина вчера кричала через ряд: ведро вернул! До вечера вернул! Можно подумать, ты ей мужа назад привёз.

— Мужа она не давала. Ведро и тележку давала, их вернул.

— И соус, говорят, варить умеешь. Посмотрим, что руки стоят на мясе.

Он поставил турку на полку возле двери каморки. Снял очки, протёр краем чистой салфетки, опять надел. Сигарета у старшего успела погаснуть; Погосян кивнул на урну за порогом, и работник выбросил окурок, вернулся к умывальнику.

— Мне нужна треть туши каждую неделю, — сказал я. — За работу. На такую закупку деньгами не потяну, а готовить из мяса умею.

Рыжий фыркнул. Старший посмотрел на меня и закашлялся от смеха.

— Треть туши ему! — Погосян указал на крюк. — Ты сначала на неё посмотри. Тут тебе не кастрюля соуса. Эти с завода зачистки привезли: плёнки, зарубки, потом мои ребята разбирают. Быстро работают, плату получают. А ты что предлагаешь? Ту же работу за мясо вместо денег?

— Предлагаю за то же время сохранить больше мякоти. Ваши получают плату, я свою долю. На весах увидите, стоит мне её отдавать или нет.

— Ты их с топором видишь и думаешь, дураки?

Старший уже не смеялся. Рыжий положил скребок на поддон.

— Думаю, торопятся. Там, где мышца отходит по шву, они режут её поперёк. Вон на лопатке полосы. Мясо с костями уходит, потом кости в отходы. Если ваша плата за скорость, понятно, чего они добиваются. Я за выход хочу работать.

Погосян посмотрел на тушу, затем на работников. В его лице шевельнулся интерес. Он не спешил его показывать: поправил очки, подошёл к среднему крюку, нажал большим пальцем на мякоть. Она подалась; тушу держали в холоде, но камнем не проморозили. В разделочной было холодно, однако ветер гулял у двери, а не между рабочими досками.

— Спорим? Одна туша, две половины. Сначала вес. Твою режешь ты, другую — мои двое. Даю час. Чистую мякоть, пригодную обрезь, сало, кости и настоящий отход — всё отдельно. Осколки в мясо не прячем. После посмотрим, кто сколько сохранил.

Курящий перестал улыбаться и повернулся к хозяину: тот ещё не назвал цену спора.

— Выиграешь — заберёшь треть этой туши, — продолжил Погосян. — О постоянной работе потом договоримся. Проиграешь — уйдёшь. Больше мяса у меня не попросишь, хоть за деньги. Принимаешь?

Глава 2

Посмотрел на своих соперников. У них были привычка к холоду, тесак, пила и две пары рук. У меня — восьмёрка, мусат и очень много свиных лопаток из прежней жизни. Третью тушу хватит, чтобы завтра в котле был мясной запах, а не одна надежда на него.

— Принимаю. Взвешивать будете сами, при них. И мясо после работы должно уйти с документом. Я его в столовую повезу, а там чужие слова вместо приёмки не принимают.

— Бумагу дам, если мясо будет за что дать. Эти три мои, у дворов куплены, приёмные акты в конторе. Клейма видишь? Посмотри до ножа. Чужую тушу проигрывать я не стану.

Назвал работникам порядок, позвал кладовщика. Тот принёс бумаги на сегодняшнюю партию, показал отметку осмотра и номер на выбранной туше. До работы я проверил мякоть у глубокого среза, запах, поверхность. На доску пойдёт пригодная свинина, не ледяная неизвестность под чужую клятву.

С помощью подвеса сняли среднюю тушу, уже разделённую вдоль на две полутуши. Кладовщик управлял подъёмом, работники придерживали груз; я не пытался ловить шестьдесят килограммов голыми руками. На подвесных весах получилось сто двадцать всего. По шестьдесят на каждой стороне. Погосян записал цифры на двух листках и дал выбрать.

— Правая, — сказал я. — Левую им.

— Откуда знаешь, что легче?

— Вес одинаковый. Лапу удобнее ставить на стол справа. У них двое, обойдут с любого края.

Старший хмыкнул, взялся за левую. Обе половины уложили на отдельные чистые столы. Между столами поставили подносы, чтобы пила соперников не гнала костную пыль на мои куски. Ёмкости подписали: каждый результат взвешивается со своей стороны. Пока шла подготовка, снял рукавицы у тёплого умывальника, вымыл руки. Куртку, шапку, сумку оставил на крючке в предбаннике; деньги остались в куртке. Надел выданный чистый халат и фартук, достал нож с чехлом и мусат. Чехол вернулся в сумку.

Рукоять после дороги успела остыть. Согрел её в чистой ладони, проверил хват, подвёл лезвие к краю, пока не разрезая. Пальцы слушались; холодный стол отбирал тепло быстрее, чем улица. Положил нож, ненадолго сунул ладони под мышки поверх свитера. Затем вымыл и обсушил снова.

Рыжий, уже с ножом, захохотал:

— Ай да мастер! Давай, гребь воздух! Мы пока всю свинью съедим!

— Тогда на весы вас поставим. Погосян всё равно своё мясо посчитает.

Хозяин усмехнулся краешком рта, посмотрел на часы.

— Подготовились? В девять начинаем. До десяти. После моей команды ножи вниз. На перенос тяжёлого кладовщик каждому помогает, в разделку не лезет. Уроки друг другу давайте, если охота, время ваше.

Взял восьмёрку всей ладонью. Локоть ближе к корпусу, поворот куска вместо выкручивания кисти. Можно работать.

— Час пошёл, — сказал Погосян.

— Помню.

— Вот и режь. Только себя мне на стол не клади.

Первый надрез сделал коротким движением от себя. Снял плёнку с передней части: зацепил край, натянул, повёл нож близко к ней; розовая поверхность осталась целой. Сало отделил своим слоем, не таща с ним половину мышцы. Кусок лежал тяжело, скользил, когда тянул поперёк. Развернул на доске, дал собственному весу прижать мясо. Открыл следующий шов. Отдал лопатку на свой чистый поднос, взял шею.

У соседей застучал тесак, потом завизжала электропила. Рыжий рубил крупные суставные куски, старший снимал с них мякоть. Работали быстро. В таком темпе можно было за полчаса получить гору мяса и ещё одну гору того, что пойдёт с костями. На первом отрезанном плече белели мелкие осколки; старший смахнул их, увидел мой взгляд и повернул кусок к себе.

— Смотри в свою тарелку, столовский.

— Смотрю. У меня пока чистая.

Вдоль рёбер шёл длинным движением, без пилы. Кость давала опору, лезвие возвращалось к ней после каждого изгиба. Мякоть отходила широкой полосой. Под неё подставил поднос, чтобы не тянуть свободной рукой по всей длине; оставшиеся тонкие полоски снимал отдельно, в чистую обреш. На суп пригодятся, в мусор их незачем отправлять.

Через десять минут предплечье налилось тяжестью. Пальцы согрелись от работы, а кожа под основанием правого большого пальца начала тереться о рукоять. Восстановившийся хват Лагутина выдерживал кухни, но длинную обвалку я делал в этом теле впервые. Нож шёл верно, кожа к нему привыкала хуже. Сменил упор, оставил болезненное место свободным; резы продолжались, только кусок чаще разворачивал на доске.

Рыжий добрался до плечевой части. Замахнулся топором, опустил раз, второй; мясо вздрогнуло, на лопатке открылась новая зарубка. Он потянул за край, не смог отделить, снова поднял топор.

— Останови топор, — сказал я.

Он замер.

— Мне? Ты свою режь, у тебя часы тоже идут.

— Идут. Положи топор, я покажу, где ты уже два раза мимо ударил. Полминуты, дальше сам.

Рыжий посмотрел на Погосяна. Хозяин кивнул на часы: никаких подаренных минут. Я положил свою восьмёрку на чистый край доски, подошёл к соседнему столу. Указал на шов тупой стороной его лежавшего ножа, не принимаясь разделять чужой кусок за него.

— Здесь потяни. Не ломай плечо. Видишь белую перемычку? Клинок вдоль неё, пока сустав откроется. А по самой кости не бей, получишь осколки.

Он потянул, послушно сменил тесак на нож. Лезвие проскребло кость.

— Поверни кисть. Вот так. Теперь режь связку.

Рыжий сделал короткий рез, плечо подалось. Взглянул на меня, на мясо, снова на меня. Я уже возвращался к своей стороне. Его собственная рука закончила движение; на выходе получился чистый край.

— Так оно само идёт...

— Если нашёл место. Лопатку отделяй по шву у плеча, там мышцы разводятся. Ножом покажешь дорогу, рукой раскроешь. Не одним ударом на всю лопатку, она тебе не полено.

Старший отложил пилу, смотрел на срез. До этого мой нож занимал его меньше, чем собственная сигарета. Теперь подошёл ближе, не пересекая границу столов.

— А с ребра как? Мы тонкое всё в обреш, быстрее так.

— Ближе к кости. Длиннее движение, меньше крошишь. Только мой поднос руками не трогай, у каждого свой выход.

Он кивнул. Погосян сделал отметку на листке, отпил кофе из чашки, которую кладовщик принёс с полки каморки. Я вымыл руки после перехода, вернулся к своей восьмёрке. За урок потратил время. Взамен рыжий убрал топор, перестал сыпать осколками через стол; старший повернул свой поднос внутрь и освободил проход. На моей стороне никто за меня не резал.

Рыжий проверил новый срез, выругался уже без смеха.

— И столько мяса я до сегодня на кости оставлял?

— Теперь не оставишь.

— Обреш тоже в чистое считать? — Он кивнул на мелкие розовые кусочки.

— Если чистая и пригодная. Не те, что с пылью под ноги уронил.

Он вынул пару осколков из своей ёмкости, отложил в отходы. Хохот в цехе закончился; остались стук, скрип досок и просьбы подвинуть поднос. Соперники ещё могли меня обогнать. Только теперь им самим было интересно, сколько они способны снять ножом.

На двадцать восьмой минуте кожа у большого пальца всё-таки протёрлась. Маленькая поверхностная ссадина щипала под рукоятку; мясо она не касалась. Положил нож, показал Погосяну ладонь.

— Минуту потрачу, закрыть надо.

Он открыл аптечку у умывальника. Вымыв и высушив руки, закрыл натёртое место чистой перевязкой; сверху закрепил её выданным покрытием, чтобы край не попал на мясо. На рабочей поверхности ссадины не было, но хват теперь требовал осторожности. Кладовщик помог затянуть крепление на запястье, пальцы остались свободными. Взял нож вновь. Час шёл; Погосян ни секунды не добавил.

— Руки не из железа, — заметил старший, поглядев на повязку.

— Нож тоже. Поэтому им не рублю.

Он хотел ответить, но рыжий уже пододвигал ему следующий кусок. Я продолжил с края, где закончил. На доске оставались поясница и задняя нога моей половины, одна. У соседей куча почти разобрана, кости лежат отдельно. Они шли вдвоём, делили движения без разговора. Теперь на некоторых костях розового было меньше: урок пригодился сразу.

Погосян стоял у стены с недопитым кофе, переводил взгляд с моего подноса на их. Пока работал, пару раз захотелось спросить, сколько времени осталось. Не спросил. Часы висели за его плечом; когда снимал поясничную мякоть, мог увидеть стрелки сам.

На тридцать пятой минуте соперники заявили, что всё. Рыжий вытер нож, старший снял перчатку, протянул затёкшие пальцы. Под их столом осталась ёмкость с отходами; на костях виднелись мясные полосы. Мой поднос был чище, но час ещё не закончился. Им можно было вернуться к зачистке.

— Посмотрите, что оставили, — сказал Погосян. — У вас ещё время. Хвалиться потом будете.

Старший взял одну кость, срезал с неё небольшой кусок. Рыжий нехотя присоединился. Победа ещё не лежала у меня в сумке; каждый снятый ими грамм уменьшал разницу. Повязка давила на ладонь. Прижал заднюю часть предплечья к доске, открыл шов, развёл мышцы свободной рукой. Так рукоятка не упиралась прямо в ссадину, а тяжесть мяса работала на меня.

В девять пятьдесят оставалась голень и несколько упрямых связок. Старший уже смотрел через плечо; рыжий, отложив свою последнюю кость, стоял рядом с хозяином. Можно было схватить их топор, закончить быстро и подарить куски будущему бульону. В прежней кухне такую плату за скорость никто бы не одобрил. Здесь я тем более не хотел её платить.

Развернул тяжёлую ногу на освободившийся угол стола, не поднимая на вытянутых руках. Кладовщик придержал поднос — та же разрешённая помощь, что получали оба работника. Сустав оказался передо мной. Колено разогнулось, в зазоре натянулась белая связка. Короткий рез, поворот, ещё один. Голень отделилась без удара.

До конца оставалось две минуты. Вместо того чтобы ловить скользкий кусок в воздухе, опустил его под собственным весом на доску. Вёл нож по кости, собирал мякоть широкими полосами. Последние тонкие снял в чистую обреза. Повязка щипала, холод уже забрал тепло из халата, зато на подносе лежало именно то, за чем я сюда пришёл.

— Всё, ножи вниз! — сказал Погосян, когда часы показали десять.

Положил восьмёрку.

— Готово.

Голос вышел хриплым. Хотелось выпрямиться, растереть плечо и погреть ладони, но прежде надо было увидеть весы.

Погосян поставил чашку на полку, вымыл руки, подошёл к моей стороне. Поднял кусок с поясницы, повернул к свету. Срез был гладкий, без костной крошки; мышца сохранила форму. На костях виднелись светлые сухожилия, мякоть я снял. Хозяин опустил кусок, проверил чистую обрезь. Потом подошёл к соседям. Там плечевой кусок получился хорошо, рёбра хуже: старые зарубки не исчезли от того, что рыжий понял новый приём.

Весы придвинули к середине. Кладовщик показал пустую чашу, вычел вес каждой тары. Погосян записывал, рыжий читал цифры вслух, старший перепроверял. Я смотрел на гири, которые одна за другой уходили на вторую чашу: мясо ложилось тяжело, край подноса упирался кладовщику в живот.

На моей стороне получилось сорок килограммов крупных мясных кусков, четыре восемьсот чистой мясной обрезки, семь двести сала с кожей, семь шестьсот костей и четыреста настоящего отхода. Шестидесят, с которых начали. У двоих — тридцать шесть четыреста мякоти, четыре шестьсот пригодной обрезки, семь двести сала, десять девятьсот костей и девятьсот отхода. Тоже шестидесят. Мясо, оставшееся на костях, в съедобный выход по условиям спора не записывали: его надо было снять до конца часа.

Погосян подвинул мне листок, дал сложить самому. Сорок четыре восемьсот против сорока одного. Три килограмма восемьсот мяса — после того, как мои соперники уже поняли, где его теряют, и вернулись зачищать кости.

Старший смотрел на свою гору. Рыжий поднял ребро, с которого успел срезать почти всё; следом взял то, что разрубил в самом начале.

— Можно ещё снять, — сказал он.

— Можно, — ответил Погосян. — Для супа снимете. Для спора уже поздно.

Он провёл ножом по оставшейся розовой полосе, показал снятый кусочек работникам.

— Вот ваша плата топору. А вот его треть туши. Спор закрыт.

На последнем слове расправил плечи. Холодный воздух вошёл в грудь, в которой весь час было тесно. Рядом лежало почти сорок пять килограммов чистого мяса, снятого моим ножом. Из этого можно готовить. Можно кормить. Можно не спрашивать Фурсова, разрешит ли он завтра привезти грузовик.

Старший отодвинул чистый поднос к месту отбора моей доли.

— Быстро, — признал. — И чисто. Но руки твои — мусор. С такой ладонью ещё одну половину не полезешь?

— Сейчас не полезу. Заживёт. А вы с костей остатки соберите, там на суп хватит.

Рыжий потянулся за ножом, потом посмотрел на Погосяна.

— Мы после взвешивания, да? Чтобы не перепутать.

— После. Записанное уже не исправляем.

Хозяин усмехнулся. Поднял свою чашку, кивнул мне на каморку.

— Идём. Уговор твой не кончился, а пар изо рта уже кончился.

— Долю сначала выберу.

— Выбирай. Одну треть всей туши, сорок килограммов. Мясо с салом и костями, как договорились. Самое вкусное не только тебе, другим покупателям тоже жить хочется.

Выбрали со старшим тридцать килограммов пригодного мяса, из них три килограмма чистой обрезки, пять сала с кожей и четыре шестьсот костей. К сорока не хватало четыреста граммов; Погосян показал на весы. Добавили ещё четыреста сала. Теперь тридцать мяса, пять четыреста сала, четыре шестьсот костей: сорок. Кости взял хорошие, для бульона, мясо — частью крупными кусками, частью на гуляш. Уже представлял, как оно прихватится на горячем дне, какое тепло поднимется от первой порции. Старший подвинул мне ещё поднос, я начал укладывать долю.

Кладовщик принёс три чистые пищевые ёмкости с крышками. Разложили мясо отдельно от костей, сало отдельно, взвесили без тары. На крышках он написал вес, номер партии и мою

фамилию. Затем отвёз на низкой тележке в холодный отсек, где мясо оставалось до оформления и моего выхода. Посмотрел, куда его ставит: крайняя полка отдельного шкафчика, рядом пустое место, чужие партии отделены. Кладовщик запер шкафчик. Моя победа стала тремя ёмкостями, которые можно было показать и получить, а не обещанием в тёплой комнате.

В каморке пахло табаком, сушёными травами и кофе. У стенки стоял обогреватель, возле него — стул. Погосян поставил чашку, достал аптечку.

— Садись. Ладонь покажи. Вторую тоже.

Снял наружное покрытие после работы; вымыл руки у раковины в углу, тщательно обсушил. На правой ладони была небольшая ссадина, вокруг кожа покраснела. На левой только натёртое пятно. Пальцы сгибались, глубокого пореза не было. Старик дал мне чистую перевязку, помог закрепить её, не стягивая пальцы. В тепле ладони постепенно перестали ломить; при сгибании правой оставалось щипание под бинтом.

— С таким завтра работай через силу — послезавтра ножа не возьмёшь. С тяжёлым попроси помочь. Здесь я ещё могу остановить, в столовой ты сам себя останови.

— Почему ты это делаешь? — спросил я, глядя, как он разматывает бинт. — Я твоих работников обыграл. Можно было долю отдать и выставить.

— Потому что ты им ещё и показал. За собственные минуты. Если дурак — то необычный.

Он закрепил конец, дождался, пока согну пальцы.

— Не туго?

— Хорошо.

— Рабочие у меня есть. Быстрые тоже есть. Мастера реже приходят. Ты плохую еду боишься делать больше, чем меня разозлить. Нина рассказывала: начальнику руки от доски убрал. Он огромный, ты маленький. Всё равно убрал. Вот эту твою привычку и береги.

Разомлел от тепла так, что захотелось сидеть здесь до обеда. Погосян уже открывал ящик стола. Положил передо мной маленький медный ключ с жестяной биркой «3».

— От отдельного мясного шкафчика в третьем холодном отсеке. Туда твои ёмкости поставили; наружную дверь кладовщик открывает, шкафчик сам откроешь. Место для твоей доли будет всегда, если договоримся. Ключ бери.

Взял. Тёплый от ящика, тяжёлый для такой маленькой вещи. Ключи столовой у Лодкина и Шепелевой, а этот теперь дали мне лично. Повернул бородку, посмотрел на цифру.

— Каждую неделю две туши разделяешь, — продолжил Погосян. — За них получаешь треть одной, выбранной из тех двух. Не из самой большой, которая в соседнем ангаре ждёт чужого хозяина. Что режешь, из того и выбираешь. Мясо, сало, кости. Как сегодня.

— Две туши — это четыре половины. Сегодня я за час одну сделал. Четыре часа чистой работы, ещё подготовка и вес. К обеду не обещаю.

Погосян ткнул пальцем в стол.

— Вот это правильно говоришь. Я уже думал, у тебя сейчас и две за час выйдет. Приходишь к приходу туш, день заранее согласуем. Мои помогут перенести тяжёлое, сами научатся, только на твою долю их выход не припиши.

— Со сменой договорюсь. Позвоню или приду подтвердить. Если не отпустят, заранее скажу, чтобы здесь никто не ждал.

— Так и сделаем. На эту неделю уговор со свидетелями уже есть. На следующую подтверждаешь. Потом повторим, если обоим хорошо.

Он достал приёмные документы на тушу, позвал кладовщика. Тот положил рядом запись о результате спора и отобранных сорока килограммах. Погосян расписался в отпуске своей доли мне за выполненную работу. Я расписался в получении права на неё; фактическую выдачу ёмкостей отметят перед выходом. Бумага оставляла номер партии и состав, не превращала мясо в государственную закупку без согласия предприятия.

— Никаких бумажек на каждое моё слово, — проворчал старик. — Слово дано, слово взято. Но на мясо выписку заberi. Вчера сам сказал: в столовую. Там у тебя бухгалтер. Ей мои глаза показывать поздно будет.

— Ей ещё разрешение принять это мясо нужно. Сегодня отвезу, осмотрят, оформим. До их подписи в котёл не пойдёт.

— Не примут — вернёшь в холод, в шкафчик. Не на подоконник. Я своё слово держу, а твоя заведующая пусть за своё отвечает.

Кладовщик выдал выписку об источнике, весе и отпуске, к ней приложил сведения об осмотре партии. Я проверил три числа, убрал бумаги в рабочий блокнот, блокнот — в сумку, которую принёс из предбанника. Нож вымыл, обсушил и положил в чехол; вместе с мусатом он вернулся туда же. Надену куртку — ключ положу отдельно, чтобы к лезвию не лез за ним в темноте.

— А если Фурсов узнает? — спросил я.

Погосян откинулся на спинку.

— Узнает. База маленькая, район меньше. Ты только выйдешь, уже расскажут, что у меня мясо забрал.

— Перекупит?

— Эти сорок? Уже твои. Следующие — может прийти с деньгами, торговаться. Но сегодня ты мне с половины три восемьсот сохранил. Завтра мои хоть килограмм после твоего урока сохраняют — мне с этого тоже выгода. Гена сколько за урок заплатит? Он со мной за каждую кость спорит, которой сам не касается.

Он постучал по столу пальцем, глядя прямо.

— Деньги у него есть, умения твоего нет. Я тебя менять на его улыбку не стану. Только приходить вовремя надо. За пропущенную работу никто мяса не даст.

— Приду. На две туши день освобожу, не час между кашей и супом.

Ключ лежал у края стола. Надел куртку, подвинул его ближе, положил в отдельный карман. С внутренней стороны оставались мои двадцать семь рублей. Не потратил ни копейки на свинину; отработал. За сегодняшним весом стоял час у доски, за следующим — целый согласованный выход. Мне нравилась такая цена: её можно было заработать ещё раз.

Погосян налил свежий кофе из турки в чистую кружку, свою чашку долил и подошёл к окну. Во дворе над заснеженной крышей кружили голуби. Подросток в ушанке держал сетку у дверцы голубятни; птицы садились выше, чем он мог до них достать.

— Внук мой, Рафик-младший. Тренирует. Видишь, как домой идут? Иногда быстрее телефона получится.

— Куда летают?

— Домой. Ты хотел, чтоб в райком чужую дверь нашли? Из треста моего выпускают, он сюда возвращается. Я птицу туда заранее отдал. Потом сообщение привязали — и у меня здесь бумажка. Внук радуется, будто завод ему подарили.

Придвинулся к окну. Внук засмеялся, опустил сетку; один голубь сел на край крыши возле него. В голове складывался простой путь: взять птицу с базы, отвезти туда, откуда хочу сообщить. Выпустить — она принесёт записку Погосяну. Ответ забрать рейсом или самому, птица с базы к моей столовой по одному желанию не полетит.

— Зачем вам это? Телефон в конторе есть?

— Есть. Вчера полдня молчал, потом все сразу заняли. Ты попади. А мальчишке дело. Пусть птиц считает, не чужие окна.

— Для связи с базой пригодилось бы. Если нужный товар появится, можно коротко сообщить. Только птицу сперва отсюда забрать.

— Вот именно, сперва. Потом выпустить. Ты в мясо нож не тычешь куда попало, в птиц тоже сначала разберись. Внук покажет, когда понадобится.

Погосян поднял свою чашку.

— Только в голубей не влюбляйся, поварёнок. Они мясо не привезут.

— Мясо привезём мы.

— Уже готовы сани у бокового входа. Наши грузовые, широкие. Кладовщик даст, старший довести поможет: твой сорок да тара, одной ладонью тянуть нечего. Ёмкости закроете, закрепите. Чистое покрывало сверху, до кухни не открывать. Санки сегодня вернёте.

— После приёмки. И спасибо ему скажу, не только саням.

Кладовщик заглянул в каморку: можно забирать. Вышел с ним, открыл шкафчик своим ключом. Ещё раз сверили крышки и вес с выпиской. Старший помог переложить три закрытые ёмкости на грузовые сани у бокового входа, затянул ремни; сверху накрыли чистым покрывалом. В выдаче расписались я и кладовщик. Старший остался у саней, а я вернулся в каморку за сумкой и кофе: Погосян просил попрощаться, не уходить молча.

За окном внук махал голубю, словно тот мог послушаться имени. Тут дверь каморки распахнулась. Рыжий, который с утра смеялся над моими руками, вошёл без улыбки. В руке мям свою шапку.

— Генкин человек был утром, — выпалил. — Пока ты здесь спор устроил, я вспомнил. До вашего прихода у ворот болтал. Масло у Фомича забрали, сказал. А вечером к Грушевым сам Гена поедет, картошку с капустой за месяц вперёд оплатить хочет. Велел, чтоб никто из района к вам на базу не ходил. Вы, говорит, контрабанду делаете.

Погосян повернулся к нему.

— У Фомича забрали — ты видел?

— Нет. Он сказал. Сумку показывал: вот, ещё на стариков осталось, у них весь месяц купим. Я по дороге масло взять собирался, спрашивал. Велел даже не ехать, Фомичу уже уплачено.

— Сумку видел, деньги не считал, Фомича не спрашивал, — подвёл итог старик. — Понятно. Спасибо, что сказал. А ты мне сразу такое говори, не после часа с топором.

— Да я сначала думал, к мясу придёт. Потом вы заспорили...

Рыжий посмотрел на меня. Поздно вспомнил не из злости: до спора столовский повар был для него человеком у чужой двери. Теперь моё мясо стояло отдельно, и чужая болтовня касалась общего дела.

— Фомича проверить надо, — сказал я. — К Грушевым вечером собирается, значит, ещё не оплатил?

— Так сказал. За всё заранее хочет. Чтоб другие к ним не совались.

Погосян отпустил его к работе. Дверь закрылась, хозяин остался у окна.

— Пусть говорит, мясо наше в контрабанду словами не превратит. Но овощи у Грушевых брали. Если весь запас Генке обещают, завтра за картошкой по другой дороге идти придётся.

Он вернулся к столу, подвинул мне кружку свежего кофе.

— Твой рынок не только мясо, поварёнок. Масло, зелень, корни. Уйдут к Генке — чем готовить будешь, с чем подавать?

Глава 3

Взял кружку левой рукой за ручку, правой только придержал у дна, не давая на повязку. Кофе горчил; тепло прошло по губам, по горлу. На сегодня сорок килограммов мяса заработал. Масла и овощей могло не стать к завтрашнему утру. Сначала чужое сообщение надо проверить, потом искать ход. После только что выигранного часа мысль о рынке уже не пугала: там были люди, которым нужен вкусный обед, а не одна Генкина сумка.

— Много он заплатит собирается? — спросил.

— Сумку показал, для разговора с продавцом этого хватает. Остальное у продавца узнаешь. Мои ребята за его сказки не распишутся.

— Тогда сумкой с ним спорить не буду. У меня такой нет. Зато есть что сварить и дать попробовать.

Старик прищурился. В кружке осталось на один плоток; допил, поставил. У стены лежала сумка с ножом, бумаги были в блокноте, ключ — в кармане. У бокового входа ждали сани с тремя закрытыми ёмкостями. Ничего из этого Фурсов пока не мог выкупить у меня одной своей угрозой.

— Спасибо за мясо, Рафик.

— Спасибо за урок. Иди, пока солнце не село. Сани у двери, старший ждёт. Обратное пусть не тащит пустые один, отправь своего мальчишку с ним.

Кивнул, надел шапку и рукавицы, взял сумку. Ладонь ещё ныла, зато пальцы оставались свободными. До кухни предстояло довести мясо и пройти приёмку, не потеряв ни веса, ни собственных бумаг. Дверь каморки открывал левой; медный ключ задел ткань кармана. Третий отсек, мой шкафчик. Сейчас впервые можно было выйти с базы не с обещанием достать свинину, а за своей заработанной долей.

Снаружи мороз обжёг лицо; после душной каморки дышалось легче. Старший ждал у саней, притопывал валенками. Сумку повесил через плечо, взялся левой за свободный конец верёвки. Основную тяжесть тянул он. Три ёмкости под покрывалом не двигались: ремни кладовщик затянул на совесть.

— По рынку пойдём? — спросил работник. — Здесь короче, только прилавки объезжать.

— По рынку. Если кто спросит, что везём, скажем: урок анатомии.

— Пусть сами анатомию возят. Я мясо везу.

Полозья заскрипели по снегу. Возле рядов он придерживал сани, я выбирал дорогу между ящиками. Торговцы косились на груз, кое-кто кивал. Вчера здесь пробовали мой соус, сегодня видели, как везу мясо с базы. У Сцилкиной ещё оставалось что-то на прилавке. Она высунулась из-за соседки, увидела покрывало и подняла большой палец. Хотелось показать Фурсову эти сани: вот оно, мясо, которое он рассчитывал не пустить в столовую. Но пока моя победа лежала снаружи кухни. До котла её могли не допустить.

У служебного входа Зоя спросила прямо из-за двери:

— Всё наше? Или опять только попробовать?

— Сорок килограммов. Заработал. Бумаги в сумке. Позови Тамару, пожалуйста; сюда сначала приёмный стол, потом холодильник.

Сани оставили у порога. Работник помог снять закрытые ёмкости на подставки в приёмном месте, я отдал выписку, номер партии и лист осмотра. Снял куртку с сумкой в комнате отдыха; деньги и ключ остались в карманах куртки. До мяса не дотрагивался, пока не вымыл руки, не проверил закрытую ссадину и не закрепил поверх повязки чистое защитное покрытие. Пальцы сгибались. На левую ладонь хватило свободного хвата, тяжёлое поднимать ей тоже не собирался.

Тамара открыла первую ёмкость. Шепелева стояла возле весов, Лодкин — у края стола. Он поднял крышку с костей, присмотрелся к срезам, затем посмотрел на меня.

— Обваливал сам?

— Одну половину. За час.

— И хватило ума остановиться?

Показал ему защищённую ладонь.

— В десять остановили. Больше сегодня не полезу.

Тамара сверила тару. Тридцать килограммов мяса, из них три чистой обрезы; пять четырёхста сала, четыре шестьсот костей. Клеймо и партия сходились с выпиской. Мясо пахло свежей свининой, поверхность была холодной и чистой; ёмкости на дороге не открывали. Работник подтвердил выдачу и расписался как сопровождавший груз, а не как продавец, которому столовая заплатила за тушу.

— Мне за работу отдали, — сказал я заведующей. — Столовой передаю всё. Без закупочной цены. Разрешите принять и готовить после осмотра.

— Вчера овощи вам дали, сегодня мясо. Почему все такие щедрые стали?

— Они не щедрые. Я час у стола простоял, на весах выиграл. Хотите, привезу топор тех, кто проиграл.

Лодкин кашлянул в кулак. Зоя отвернулась к пустой доске, но плечи её тряслись.

— Не надо сюда топоры, — сказала Шепелева. — Тридцать мяса записывайте. Остальное тоже. Бесплатная передача от Лагутина, основание приложить. И сколько сегодня в расход, Ефим Степанович?

— Восемь на гуляш, сто порций. Обрежь часть туда. Костей два триста на бульон; остальные в холод. Сала четырёхста граммов, вытопить на жарку. Лук и томат-паста из разрешённого запаса, я утром сверил.

Крупку на гарнир он тоже показал в расходе. Тамара записала сегодняшнюю закладку; оставшиеся двадцать два килограмма мяса, пять килограммов сала и два триста костей отправили в холодильник столовой, отдельно от задержанной старой партии. До её сверки ничего оттуда брать не разрешали. Номер новой свинины Зоя крупно написала на крышках, чтоб даже сонный повар не полез в чужую ёмкость.

— Ну вот, — сказала она. — Теперь наше. Не только на санях.

Старший уже собирался уходить. На прощание пожал мне левую руку — осторожно, пальцами.

— Рыжий там кости дочищает. Говорит, тебя больше к нашему столу не пускать.

— Опять боится проиграть?

— Боится, ты увидишь, что оставил.

После этого Витька проводил его с пустыми санями на базу и вернулся без них ещё засветло.

Вечером достал восьмёрку из чехла и нарезал отмеренную свинину для гуляша. Крупные куски повернул на доске, не давя рукоятью на натёртое место; небольшую часть резал Лодкин. Пар от котлов согревал шею. Через защитное покрытие повязка осталась сухой. Лодкин подошёл, когда я положил нож и расправил пальцы.

— «Заря», в семьдесят втором, тоже с мозолей начиналась, знаешь. Для человека её ковали, который хотел армию кормить. Попробуй там скажи: руки болят, обеда не будет.

Он кивнул в сторону своего запертого шкафчика. Там лежала «Заря»; мою восьмёрку старик только что положил рядом с нарезанным мясом, проверив кромку ногтем.

— Только ты до этого себя не доводи, — добавил Лодкин. — Мясо добыл, теперь готовить надо. Не хватай всё сам.

— С этими руками мне ещё завтра работать, Ефим Степанович. Котёл брать не буду.

Он принёс маленькую закрытую баночку со своим топлёным салом.

— Дома на целую кожу вокруг натёртого, если сухая. На открытую ссадину не мажь. И здесь в еду не суй: это я себе держу.

Поставил баночку на полку личных вещей. Для рабочей перевязки была аптечка, для жарки — уже выданные четыреста граммов. Витька вернулся с базы, вымыл руки и заглянул к моему столу.

— Котёл мне? Или опять геройствуешь?

— Вам с Лодкиным. Вдвоём. Я нарезку и приправы проверю.

— Наконец-то сам сказал. А то смотришь: будто на базе мало намучился.

Они сняли пустой котёл, переставили к нужной конфорке; полный мы потом уже не таскали. Мясо обжаривали небольшими закладками, чтобы сок не залил дно и не получилась серая варёная гора. Лодкин подавал следующую порцию, я поднимал со дна коричневый мясной сок бульоном, добавлял лук и томат-пасту. Витька впервые спросил, почему не вывалить всё сразу, и дождался ответа, а не команды отойти.

— Так проще, — сказал он.

— Проще. А вкус тогда из мяса в воду уйдёт, мы его назад за уши не втащим. Попробуй вот этот кусочек.

Чистой ложкой перенёс пробу на блюдце. Он пожевал, посмотрел на котёл.

— У этого корочка. У мамки в кастрюле всякого бывает, корочки не бывает.

— Расскажешь ей. Только мать не учи, как проигравшего рыжего. Сначала дрова принеси.

Из зала доносился гул вечерней очереди. Там ждали ужина, и от этого звука становилось легче работать: мясо, за которым я ездил на мороз, попадёт людям в тарелки. Зоя не дала мне размахнуться первой же ложкой — мерку проверили по расчёту. Сто порций, вместе с нашими рабочими обедами и пробой из моей доли. У последнего покупателя в тарелке оказалось столько же мяса, сколько у первого. Поздним предлагали другое оставшееся блюдо, не продавали чек на пустой котёл.

Когда выдали последнюю порцию, Лодкин провёл лопаткой по дну. Небольшой остаток подливки собрали в мою уже отложенную тарелку. Я сел на минуту у окна, вытер хлебом край. Свинына распалась под вилкой, перец грел язык. За весь день впервые почувствовал не рукоять в ладони, а голод.

Фурсов перекрыл привычные поставки, но мясо я привёз. Овощей и масла на следующие дни могло не стать. Витька у мойки оглянулся:

— С утра опять на рынок?

— К Грушевым. Узнаю, чего им Гена наобещал. Деньгами его не перебую, зато могу предложить то, за чем они сами придут.

— Еду?

— Начну с неё. А там посмотрим, что скажут.

К вечеру пустой котёл был вымыт. В холоде лежала завтрашняя закладка, а не сегодняшний гуляш на пять дней вперёд. До закрытия я ещё проверил утром нужный расход, нож вымыл, обсушил, убрал в чехол и сумку. Лодкин отправил меня домой прежде, чем я придумал вторую смену самому себе. В общежитии сменил перевязку, баночку поставил на тумбочку. Двадцать семь рублей оставались в куртке, восемь восемьдесят дома. Засыпал с мыслью о чужой сумке: её на весах не обыграешь. Но, может быть, и не надо.

В среду пришёл к началу утренней подготовки. Ладонь под чистым покрытием щипала меньше. На свежую сотню порций выдали ещё восемь килограммов новой свинины, оставшиеся кости и четыреста граммов сала. Лодкин взял тяжёлое и нарезал первые куски, я доводил соус. Из нового котла собирался отнести Грушевым две порции. Сказал об этом Зое, затем при ней — заведующей.

— Мой положенный обед заберу с собой. Второй оплачу. Можно в чистую посуду, сразу к людям?

Шепелева посмотрела на меня поверх очков.

— Вчера сами мясо подарили, сегодня собственный обед раздаёте? Вы хоть едите, Лагутин?

— Вчера ел. Сегодня старики съедят. Мне для разговора надо.

— Разговор обедом кормить будете?

— Попробую. Бумагами их вчера уже покормили.

Разрешение получил. За дополнительную порцию отдал в кассу семьдесят копеек; сдачу с рубля убрал во внутренний карман. Осталось двадцать шесть тридцать. Дома лежали те же восемь восемьдесят. Две порции Зоя вычла из сотни прежде, чем началась раздача: не понадобятся два чудесных обеда после последней тарелки.

Гуляш переложили горячим в вымытую эмалированную миску с крышкой. Из дома я принёс полотенце, две ложки в чистой обёртке и сумку; Лодкин дал для дороги второе сухое полотенце, которое вечером надо вернуть. Хлеб завернул отдельно. Куртку надел поверх свитера, рабочий халат оставил в столовой. С улицы к старикам должен прийти человек с обедом, а не повар с кухонной грязью на фартуке.

Среда пахла холодным асфальтом и чужим богатством. По дороге прижимал сумку локтем, берег тепло. Больше предложить мне было нечего. У Фурсова были трестовские накладные, связи в облпите и деньги на перекуп. Свои или чужие — этого пока не знал. С его сумкой тягаться было нечем. Зато гуляш сварил я. Вот его и дам попробовать: пусть старики сами решат, нужен ли им такой обед.

Дом Грушевых стоял на окраине района. За огородами начинались свалки, дальше — лес. Дед Ефим, сухой как прут, курил самосад на крыльце. Баба Клава с красными от мороза щеками выносила небольшую домашнюю кадку квашеной капусты, выставила у стены, накрыла рогожей. Оба заметили меня издалека. Дед остался сидеть, а Клава продолжала возиться с крышкой.

— Марк, сынок, ты уж прости, — Ефим качнул головой. — Геннадий Петрович вчера вечером приезжал. Сумку привёз, бумаги показал. За картошку вдвое дал, за капусту тоже. И сразу за месяц, вперёд. Мы старые люди... Тут такие деньги, как откажешься? Жадные мы, сынок. Прости.

Остановился в шаге от крыльца. Даже войти не позвали. Теперь сообщение рыжего подтвердилось у самих продавцов: во вторник вечером Фурсов успел сюда. Картошка и капуста на продажу были обещаны ему на месяц. Покупать их второй раз означало уговаривать стариков обмануть первого покупателя. Мне нужен был другой уговор.

— Понятно, — сказал я. Постарался, чтобы голос не дрогнул. — Вы тут хозяева, я с порога. За уже оплаченное спорить не стану.

Дед выпустил дым, закивал слишком поспешно. Клава замерла над кадкой.

— Вдвое, Марк, — повторил он. — Вынул и положил. Я столько денег давно вместе не видел.

— Купите себе чего-нибудь. Мясо хоть иногда. А это я уже принёс.

Освободил сухой угол крыльца, поставил сумку, развернул полотенца. Миска осталась тёплой снаружи; когда снял крышку, над гуляшом поднялся пар. Пахло мясом, лавром, перцем и томатом из выданной пасты. На морозе запах от горячего соуса казался ещё гуще. Переложил хлеб к миске, развернул две ложки.

— За беспокойство, Ефим. Вы ешьте, пока горячее, — сказал я, глядя на миску. — Про картошку услышал, второй раз спрашивать не стану. А обед я вам принёс, его назад не понесу.

— Так мы тебе ничего...

— Я не цену назвал, Клава. Угощайтесь. Миску потом заберу.

Она потрогала горячий край, резко отняла пальцы и впервые посмотрела мне в лицо. Я сложил полотенца в пустую сумку, вернул крышку на миску неплотно — чтоб не мёрзла, пока они рассаживаются, — и пошёл к улице. Пусть поедят горячего мяса: на картошке с капустой здесь жили каждый день, а такой обед могли позволить себе редко.

Не успел дойти до угла, как за спиной зашуршала рогожа и раздался хриплый удивлённый голос Клавы:

— Ефим... Ты чуешь? Мясо же! Подвинься, дай посмотреть. Горячее ещё, а ты сидишь.

— Да вижу я. Ты хлеб возьми. Погоди, сначала в дом...

Улыбнулся и пошёл дальше, не оборачиваясь. Хотелось верить, что после гуляша они вспомнят меня не только как покупателя без денег. К рынку шёл уже с пустой сумкой, зато хоть перестал мысленно торговаться за то, чего старики мне не могли продать.

Вернулся к раздаче. Остальные девяносто восемь порций разошлись в обед; пробу соуса Зоя отложила из моей ещё до ухода. Завтра предстояло готовить новую закладку. Восьмёрка лежала в чехле в моей сумке. Лодкин закончил нарезку своим ножом, и я принял от него противень у окна, не спрашивая, когда он успел.

Вечером того же дня к столовой принесли ведро капусты. Витка крикнул от служебной двери, и я вышел к мальчишке лет двенадцати. Тот удерживал ведро обеими руками, поставил у порога и сразу встряхнул пальцами.

— Бабушка велела передать поварёнку. Чтоб не таял.

— Чья бабушка? Как тебя зовут?

— Клава Грушева. Я её внук, Сенька. Соседним двором прошёл, так ближе. Здесь два кило, бабушка сама отвесила. И вот.

Он достал из-за пазухи сложенный листок. «Из домашней кадушки. Для нас оставлено, Геннадий за эту не платил. Столовой от меня. К. Грушева». Ниже — подпись деда: он видел, как она выбирала и взвешивала.

Сенька вытащил из сумки мою миску и обе ложки, вымытые, насухо вытертые.

— Дед велел сказать: подливку вылизал бы, да бабушка его с хлебом опередила.

— А бабушка что сказала?

— Чтоб дед не позорился. А потом сама остатки съела.

Зоя присела к ведру, сняла крышку. Белая капуста, тонкие морковные полоски, чистый кислый запах. Осмотрели, взвесили без ведра: два килограмма. Пробу взяли чистой ложкой на блюде. Капуста хрустнула под зубами; я не удержался и попросил ещё щепоть на ту же тарелочку.

— Это нам? — тихо спросила Зоя.

— Это от неё. Из своего запаса. Не из Генкиной покупки.

Лист отдали Тамаре, подарок приняли с разрешения Шепелевой. На ведре появилась фамилия хозяйки, дата и вес; поставили в холод. Зоя записала, кому вернуть ведро, и предупредила Сеньку, что забрать его можно завтра после расхода. Миску и ложки я убрал к личным вещам. Мальчишку проводили, передав спасибо — и просьбу деду всё-таки есть хлеб, а не облизывать миски на спор.

Одно маленькое ведро не отменяло ни месяца Фурсова, ни пустого места в завтрашней поставке. Мне нужны были мясо, масло и овощи постоянно. Чем удержать продавцов, когда Гена снова придёт со своей сумкой?

За деньги тягаться бесполезно. А горячий обед у меня выходил. Продавец придёт, сядет, попробует и спросит, что будет завтра. За столом и договоримся о следующей партии. Только обещанные порции должны кому-то принадлежать по записи; иначе после третьего прихода начнётся спор, кого я уже кормил, а кого ещё нет.

Мне нужна была почта.

Матвея нашёл после своей вечерней раздачи на лавочке у проходной треста. Служебную сумку он сдал на почте, теперь сидел со своей пачкой «Примы». Пенсию уже получал, но лёгкий маршрут продолжал носить: об этом говорил всякий раз, когда кто-нибудь пытался назвать его бывшим. Пенсия у него была копеечная, гордость — крупная. Предложить бегать за подачку — только обидеть. К нему надо было с настоящим делом.

— Матвей, можно присяду?

— Скамейка не моя, — буркнул он и подвинулся. — Только коротко. Ты сейчас ещё какой-нибудь трест из меня сделаешь.

Зажигалку достал сам, прикурил, пустил дым в морозный воздух.

— Ты чего тут расселся, Лагутин? У тебя очередь стоит? Или банкротом стал? Гена твой всех поставщиков скупил. Слышал я.

— Слышали. А зачем ему всех скупать, если я такой банкрот? Со мной бы вообще не разговаривал.

— Чтобы окончательно стал. Гена любит порядок.

— Вот и я хочу порядок. Только такой, чтобы продавец завтра пришёл ко мне, а не каждый раз ждал, кто больше денег выложит. Он покупает партии. Я хочу людей удержать.

— Люди не продаются, — хмыкнул старик и добавил: — Ну, некоторые не продаются.

— Именно поэтому к вам пришёл. Предлагаю быть начальником почты района.

Он посмотрел на меня косовато.

— Почты какой? У нас в районе почтамт есть. Работает, слава богу. Меня оттуда пока не выставили.

— Другой почты. Вместо марок — записки. Вместо адресатов — голодные рты. А срочность определяет аппетит.

— Значит, срочно всё. С таким начальством сразу пропадём.

Матвей некоторое время молчал. Мороз вползал под воротник, а он сидел, держа сигарету подальше от моего рукава. Потом спросил медленно, подбирая слова:

— Мне платят за государственные письма. Твои записки я вместо них носить не буду. И из конторы ничего для тебя забирать без спросу тоже. Скажи сразу, что за затея. Спекуляция?

— Обмен. Продукты за обеды, не тайная касса. Сегодня ещё поговорю с заведующей и Тамарой: пока не разрешат пробную приёмку, никому ничего не обещаем. Вы только спросите, кто хочет участвовать, и принесите имена. После своей смены, когда удобно. Откажетесь — значит, ишу другого. Тяжёлые продукты продавцы привезут сами.

— А бутылки?

— Если пять бутылок по пути и вы согласны — можно. Ни мешков, ни туш. Чужие письма важнее моего гуляша.

— Вот теперь похоже на разговор, — сказал Матвей. — А то начальник, начальник. Потом сорок кило на спину, и вся должность.

Он загасил сигарету в урне, поправил воротник.

— Записка будет с номером? И у тебя в книге тот же? Сколько принял, сколько должен выдать?

— С номером. Продукт сначала осмотрят, примут. Подпись сдатчика. Потом ему отдадим записку, в кассе отметят обеды. Деньги второй раз за них не возьмут.

— А мне что делать?

— Носить фуражку. Говорить, что мой помощник по связям. Людям объяснять, где приёмка, а не вести всех с ведром прямо к котлу.

— Фуражка моя дома. Старую почтовую достану. Ты на неё не рассчитывай, не подарю.

— Мне своей шапки хватает.

— Ладно, — буркнул он. — Но если Шепелева орёт, я уйду. Я после смены человек свободный.

— Договорились. Пусть попробует сперва обед. С мясом у неё сегодня голос мягче был.

Матвей хмыкнул, и я поднялся со скамейки. Первый человек согласился сам, без чужой кепки на голове и должности с мешком на плечах. Оставалась связь с базой. Телефонные линии там заняты, до Погосяна всякий раз ехать долго. Но его птицы уже умели возвращаться домой. Одну нужную дорогу можно было проверить.

На базе Рафик-младший чистил кормушки под лампочкой у голубятни. Парнишка лет четырнадцати, с синяком под глазом и глазами, полными азарта. Увидел меня, привстал, чуть не уронив совок.

— Марк Сергеевич! Дед велел сказать: следующая партия баранины в понедельник приедет.

— Уже первый почтальон района.

— Я не почтальон, я кормушки чищу. Дед наказал, я запомнил. Вы пришли — передал.

— Передал верно. А если я раньше вас узнаю, что машина с товаром пришла? У ворот столовой, например. Деда предупредить сумеем, не занимая телефон?

Рафик положил совок, посмотрел на дорогу.

— На велосипеде можно. Только сейчас снег, далеко. Пока туда и обратно...

— А птицей? Твой голубь быстрее велосипеда долетит?

Мальчик уставился на меня.

— Вы их для связи хотите? Там правила есть! Дед чужим птицу не даёт. Скажет: украл, выпустил, потом ищи.

— Поэтому сначала к деду. Государственную почту открывать не будем, твою голубятню самовольно разорять тоже. Хочу одну птицу отвезти к столовой, оттуда пустить записку сюда. Скажи лучше: домой вернётся?

— Вернётся. Только тёмным вечером не пускайте. И не в мешке везти! Крыло сломаете, тогда никакой связи.

Погосян вышел из каморки на наши голоса, застёгивая телогрейку.

— Опять мясо? — спросил. — Всё уже увёз, сани вернули. Я видел.

— Теперь голубя. С вашего разрешения. Проверим один полёт от столовой к базе. Если что понадобится вам сообщить — будет путь.

— Рафик, этого серого возьми. Он трест летал. Поварёнку сначала покажешь, как держать, потом как выпускать. Сам при нём. Не сейчас, завтра после уроков. В комнате с едой птицу не держать.

Парнишка так резко кивнул, что ушанка сползла на брови.

— А мне за это что? — спросил тихо, уже почти пряча вопрос в воротник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.